

ИСТОРИИ

**«Каждый день просыпаешься —
и ты кто-то новый. Сегодня
ты могильщик»** Мариуполь превратился
в огромное кладбище. «Медуза»
рассказывает истории людей, которые
лежат в уличных могилах, и тех, кто
их хоронил

05:00, 10 июня 2022 · Источник: Meduza

Фото: Alexander Ermochenko / Reuters / Scanpix / LETA. Стихийные захоронения на улицах Мариуполя

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

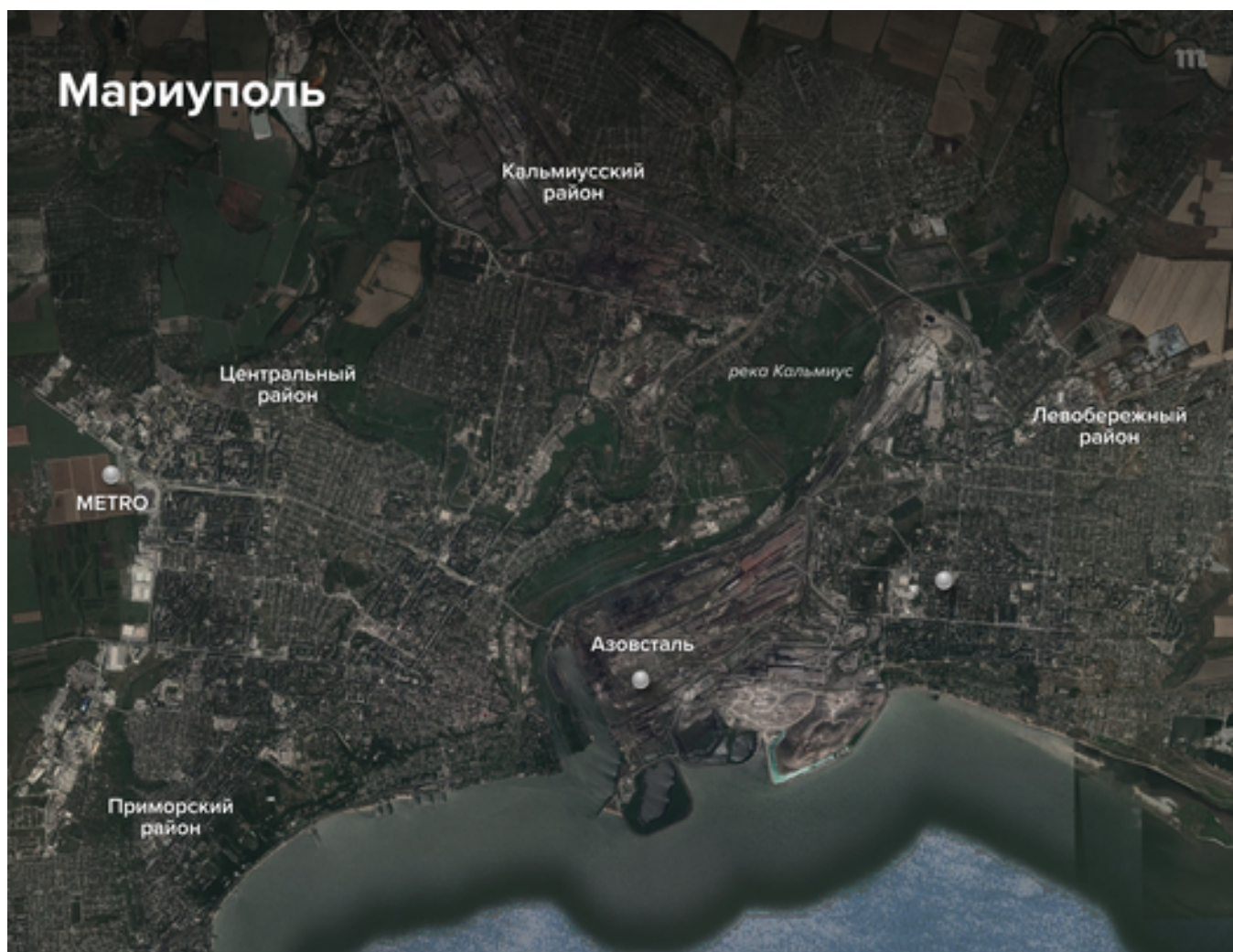
«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

С марта 2022 года домовые чаты Мариуполя полны сообщений о погибших, которых соседи — безо всяких ритуалов — закапывали во дворах обычных многоэтажек, расположенных в спальных районах. В результате российского вторжения этот украинский город превратился в одно огромное кладбище посреди руин. По просьбе «Медузы» журналист Кирилл Руков из многих тысяч мариупольских могил выбрал пять — чтобы рассказать о тех, кто в них лежит, и найти людей, хоронивших своих собственных соседей.

Где похоронены герои этого текста. Глава 1. Братская могила в воронке от снаряда, в которой Ярослав Дема похоронил Степана Господинова и других. Глава 2. Могила Леонида и Лиды Сошенко. Глава 3. Место, где Андрей Лодыгин хоронил своих соседей. Глава 4. Могила Владимира Кленина. Глава 5. Место, где Геннадий Ковалев похоронил самоубийцу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Победы, 32/42. Воронка

Сообщение от женщины, отправленное в середине мая в чат, где обмениваются информацией о погибших

в Мариуполе:

Прошу о помощи! 13 марта от взрыва... погибли мой брат Господинов Алексей и племянник Господинов Степан. Степochку захоронили во дворе, в воронке от бомбы...

Зимой 2022 года Алексей Господинов купил страусов, инкубатор и начал выводить птиц на продажу.

«Двухметровый сильный мужчина. В марте ему должно было исполниться 45 лет, — рассказывает „Медузе“ его жена Анна. — Предприимчивый. Работал только на себя». После того как Мариуполь начали бомбить, а в городе отключили электричество, Алексей продолжал бегать к страусятам каждый час из подвала: включал ненадолго генератор, чтобы они не погибли от холода.

Степан и Алексей Господиновы ремонтируют два дома, которые достались семье от предков — братья Степан и Иван Господиновы переехали в Мариуполь в 1937 году. Алексей мечтал, чтобы теперь в домах прадедов жили его собственные сыновья: Иван в доме

Ивана, Степан в доме Степана. Дома оказались разрушены в марте 2022-го российской миной. Восемь лет назад точно так же было уничтожено кафе Алексея Господинова «Домашняя кухня» — в него попала первая мина, выпущенная по Мариуполю после перемирия в сентябре в 2014-го

Из семейного архива

3 марта дом, где в подвале укрывались Алексей с женой и сыновьями, загорелся от попавшего в него снаряда (другой снаряд попал в сарай со страусами; все птицы погибли). Господиновы пробежали километр под обстрелами — на юг, в другой район Мариуполя — и укрылись в сталинском доме 1953 года постройки, с бомбоубежищем в подвале, где разместились 300 человек. Этот дом — № 32/42 по проспекту Победы — еще называют «банковским», потому что с советских времен на первом этаже в нем всегда открыт какой-нибудь банк. Следующие 10 дней Господиновы провели под перекрестным огнем: «банковский» дом оказался на пути ударных российских войск к «Азовстали».

13 марта в 9:20 утра в этот двор упал мощный снаряд — вероятно, авиабомба. Точное время известно, поскольку часы жительницы «банковского» дома Эллы Воробьевой в этот момент остановились. У нее самой погиб муж, а брату оторвало челюсть (сама она сидела в подвале). Алексей Господинов и его старший сын Степан в этот момент кипятили воду на костре возле подъезда.

Системный администратор Ярослав Дема в момент авиаудара заходил во двор с улицы. Ему 33 года; он родился в Мариуполе и жил в «банковском» доме. До начала российского вторжения Ярослав помогал небольшим конторам переходить на системы с открытым программным кодом.

Утром 13 марта Дема сходил к теще на Азовстальскую улицу, чтобы покормить кота. «Я возвращался домой и увидел, как в воздух взметнулся шифер. Подумал, что снаряд попал в крышу, — рассказывает „Медузе“ Ярослав, — а через несколько секунд с неба начали падать куски земли. Значит, это что-то мощное».

Дема сразу побежал в убежище — проведать жену и дочь; они были в порядке. Затем схватил огнетушитель и метнулся в свою квартиру на втором этаже, надеясь потушить пожар. На ступеньках подъезда увидел первый труп: «Обезображенное тело. Горела кожа, как будто на него что-то брызнуло, а вокруг разбросаны кассеты от автомобильного аккумулятора. Я еще подумал: черт, может потушить? В руках же огнетушитель... Но нет, голова у него уже точно сгорела».

Тут был медиа-файл! Чтобы посмотреть его, идите по [этой ссылке](#).

(<https://www.youtube.com/watch?v=...>)

Пожара в квартире Демы не было, хотя она и пострадала при авиаударе. Мужчина рассказывает, что замер на балконе и смотрел, как сквозь пыль медленно проступает вид на кратер, образовавшийся в эпицентре взрыва. Тела вокруг него лежали вперемешку с тротуарной плиткой и фрагментами автомобилей.

Затем Дема услышал, как кто-то во дворе кричит о помощи. «Заметил рядом две фигуры плашмя, одна из них двигалась — человек пытался встать, но снова упал, сел на землю, заорал как оглохший, — рассказывает Ярослав. — Я обрадовался: сейчас, значит, кто-то ему поможет. Проходят минуты, но он все кричит и кричит в одиночестве. Ну нельзя же так, просто невозможно. Я бросил огнетушитель и выбежал помочь».

Поднять мужчину не хватило сил — его ноги были «как тряпки». Ярослав нашел одноколесную садовую тачку. «Только тогда я заметил, как из огромной рваной раны на его бедре хлещет кровь, хотя сам мужчина еще был в сознании» — рассказывает он. Везти пришлось 350 метров, через дворы, — на улицу Пашковского, в городскую больницу № 4. Уже возле забора больницы мужчина в тележке замолк и резко затрясся. Тогда Ярослав погнал тачку бегом. «Попутно я пытался узнать имя, но он уже начал угасать», — рассказывает он.

Из приемного отделения вышел молодой парень в синих перчатках (халаты давно никто не носил). Он посмотрел на тачку и произнес: «Оставляй здесь. Но, скорее всего, ничего не будет».

Ярослав побежал обратно во двор «банковского» дома, чтобы забрать другого раненого, которого он видел с балкона, но тот уже был уже мертв. Снова вернулся в приемное отделение — и не нашел там никого.

В коридоре было пусто. «Полнейшая тишина, — говорит Ярослав. — Завернул за угол, а мою тачку там прислонили к стене [больницы], и с нее свисал все тот же мужчина. Он был мертв. Я оглянулся и понял, что вокруг были сложены еще десятки тел — в черных пакетах для трупов, оставшихся с пандемии, и в коврах».

Именно Алексея Господинова Ярослав и прикатил в тележке в больницу — он опознал его позже по фотографии.

Жительница «банковского» дома Алла⁽¹⁾ примерно в это же время привезла в больницу дочь шести лет — осколками ей посекло лицо (теперь девочка инстинктивно приседает и обхватывает руками голову, услышав пролетающий самолет; она находится в безопасности в Европе). Алла утверждает, что за следующие два часа после обстрела в приемное отделение — единственное работавшее в больнице № 4 — привезли 30 раненых; врачи оперировали их прямо

в коридоре приемного отделения, сортируя по правилам медицины катастроф. Это значит, что безнадежных даже не пытались спасти.

Снова вернувшись из больницы во двор, Ярослав встретил соседа Руслана со своего этажа: «Он стоял над группой тел, пытался что-то записать на офисных бумагах — тогда у жильцов в первый раз появилась идея составить списки [погибших]. Я ему говорю: „Может, вы их знаете? Если родственники спросят, я им передам“. А он отвечает: „Какие родственники? Это и есть вся моя семья“». Кто-то вручил Руслану бутылку спиртного, и он начал пить из горла, побросав бумаги, — пока не лег и не заснул там же, рядом с телами. (В чате поиска погибших родственников «Медуза» нашла сообщение от человека по имени Руслан, редакции также известна его фамилия. Он написал, что в этот день по адресу «банковского» дома погибли его жена Юлия и сын Роман.)

После удара 13 марта из бомбоубежища, как рассказывает Ярослав Дема, решались выйти немногие. Он помнит, как Дмитрий Кузнецов, живший в соседнем подъезде, уже через несколько часов после авиаудара предложил как можно скорее сложить тела погибших в воронку — «пока нет свидетелей»: «Поймите, у нас много женщин и детей сидело в подвале. Если бы они вышли и увидели — ну, было бы не хорошо. Дмитрий предложил всех перетаскать, пока [на улице] не стало

теплеть — мол, иначе начнутся болезни. Согласен? Поможешь? Да, помогу».

Воронка от снаряда во дворе дома 32/42 по проспекту Победы, где захоронены 16 человек. Еще несколько тел сверху накрыты красным пледом. Снято в мае 2022 года

Евгений Васильев

Одну из выбитых дверей использовали как носилки. «Кладешь дверь рядом с телом. Проще всего, если оно лежит на боку — тогда меньше раз придется перекатывать, — рассказывает Ярослав. — Потом вчетвером оттаскивали дверь к яме, поднимали с одного края и ставили оземь вертикально — тело само скатывалось в яму. Мы не спускались в нее — как [тела] упали, так и упали. Я думал, как это странно — оставлять людей в той же воронке, которая их убила». Таким образом они похоронили восемь человек. Земли, чтобы засыпать тела, не хватило, поэтому тела прикрыли

сорванными с крыши при взрыве листами жести и другими обломками.

Некоторые родственники погибших жаловались позже, что над захоронением не поставили креста. Ярослав объясняет, что дрова для костра «были нужнее»: «Уже ночью при свете луны мы с соседом решили разобрать оставшиеся завалы жести и бревен с крыши — так в углу дома нашли еще одно тело, без ног и головы. Части тел тоже находили. От того первого, обгоревшего у моего крыльца, осталась ступня и часть голени — той же ночью я скинул ее в воронку со снегоуборочной лопаты».

Алла помнит, как могильщики вернулись в убежище. По ее словам, у них был шок: «Поговорить с ними было невозможно. Они не плакали, были просто в оцепенении. Мы пытались расспросить, кто именно погиб, но список составить не получалось — парни не были уверены, кого именно хоронили. Многих невозможно было опознать».

Ярослав Дема рассказывает, что не боялся обстрелов, пока хоронил соседей. Ему казалось, что свист мины можно услышать заранее — и успеть отбежать. «Супруга считала меня идиотом, — говорит Ярослав. — Она тогда вышла из убежища всего на минуту и попросила перестать этим заниматься. Мол, хватит с меня, достаточно. Я ответил, что кто-то должен это делать — и что лучше бы она шла к ребенку, потому что на улице небезопасно». С тех пор Ярослав не переносит запах

горелого пластика и резины: «Ассоциируется с тем днем [когда случился авиаудар]. Тогда все и везде надолго было пропитано запахом горелой пластмассы. Из беспокоящих снов — только что квартира [до сих пор] целая».

6 апреля, спустя три с половиной недели после авиаудара, около 70 человек, остававшихся в «банковском» доме, решили уйти: в убежище заканчивались продукты и вода (при этом в подвале продолжали сидеть еще два десятка местных жителей). Среди них были выжившие члены семьи Господиновых — жена Алексея Анна с младшим сыном Иваном. Они влились в поток беженцев, который устремился в сторону села Виноградное, к российскому блокпосту.

Анна Господинова до сих пор не уверена, что ее муж и сын Степан мертвы: она не узнала их среди тел, которые видела после взрыва во дворе. Что стало с телом Алексея, отвезенным на тачке к больнице, неизвестно. Ярослав Дема — последний, кто его видел: «Я сказал родственникам, что, может быть, просто ошибся. Они с сыном до сих пор числятся пропавшими. Пусть продолжают искать. Не теряют надежду».

Спутниковый снимок 9 апреля

Maxar Technologies / Reuters / Scanpix / LETA

В конце марта Ярослав Дема уехал в Россию. Но он регулярно бывает⁽²⁾ в Мариуполе и заходит посмотреть на свою квартиру в «банковском» доме. Она не выгорела, как многие другие, хотя жить в ней невозможно — дом практически уничтожен. Дема рассказывает, что захоронения в воронке продолжались и после взрыва 13 марта: жильцы соседних домов несколько раз просили разрешения «прихоранивать» туда своих стариков. Яму дополнительно присыпали сверху строительным мусором, поскольку ее размыло после дождей и запах начал просачиваться наружу.

До конца мая в воронке, по подсчетам Ярослава, накопилось не менее 16 тел. Однако 5 июня несколько жильцов дома заявили «Медузе», что службы МЧС

города начали эксгумацию останков из этого захоронения. Сколько именно тел они достали, пока неясно.

Ярослав Дема считает, что «по характеру воронки» можно судить о направлении, откуда прилетел снаряд. По его мнению, выстрел был совершен со стороны шлаковой горы, где тогда находились расположения украинских войск, обороняющих «Азовсталь». Ярослав утверждает, что украинские военные, вероятно, тоже обстреливали жилые районы, когда в них оставались люди, и что они тоже ответственны за часть смертей мирного населения.

Другие жители дома, опрошенные «Медузой», утверждают, что видели, как «пролетающий самолет» выпустил три ракеты (они имеют в виду, что самолет был российский). Одна из них, говорят собеседники «Медузы», попала в «банковский» дом, две другие — в гараж и соседнее здание (Пашковского, 12/56). Также за несколько минут до атаки несколько жильцов якобы наблюдали квадрокоптер, зависший над их двором.

Большинство жильцов «банковского» дома уже уехали из Мариуполя — но спор о том, кто их обстрелял, продолжается в телеграм-чате «Победы 32/42 Мариуполь» до сих пор.

**Мариуполь — символ украинского сопротивления
российскому вторжению** Два с половиной месяца
боев и осады города — в одном видео

ГЛАВА ВТОРАЯ

Строителей, 160. Таксист и женщины

В последние годы своей жизни 73-летний Леонид Сошенко был глуховат. Возможно, именно поэтому он не услышал грохот перекрестного огня, когда 12 марта возвращался на своей серебристой «Приоре» с полными баклажками воды для соседей. Открылась водительская дверь — и Леонид просто вывалился с сиденья на землю. В промежутке между обстрелами жильцы дома № 160 на проспекте Строителей в Мариуполе затащили его в подъезд. Мужчина был ранен в бедро и живот, у него пробило легкое — он стремительно истекал кровью.

На лестнице столпились люди. Леонид сжимал в руках ключи. Соседка спросила: «Леня, это от квартиры?» Мужчина хлопнул глазами и сказал: «Лида». Это имя его

жены. «Он как будто все понимал и только боялся оставить мою старенькую маму одну, запертую и беспомощную» — рассказывает «Медузе» дочь Леонида и Лидии Светлана Сошенко.

Медицинский работник из соседнего подъезда согласился сопроводить раненого в больницу.

Но он не умел водить. Тогда за руль все той же «Приоры» сел молодой парень, имя которого Светлана не знает до сих пор, — только слышала, что в Мариуполе у него остался 12-летний сын. Еще живого отца погрузили на заднее сиденье. «Приора» завелась сразу, они успели проехать 300 метров тем же самым маршрутом — от шестого подъезда до первого, — и там в легковушку попал снаряд. Все трое погибли мгновенно.

Леонид Сошенко родился в 1949 году и вырос в Мариуполе. Полжизни он проработал таксистом в таксопарке. Однажды возле советского ресторана «Украина» лучший друг познакомил его со своей сестрой Лидой. Леонид влюбился с первого взгляда. Напросился в гости к ней в тот же вечер. В 1973-м они поженились. Лида работала поварихой то в одном кафе, то в другом. «Хохотушка, всегда оказывалась душой компании», — рассказывает о своей матери дочь Светлана.

Леонид и Лидия Сошенко

Из архива Светланы Сошенко

Они прожили вместе 47 лет, и уже в пожилом возрасте Лида заболела, перестала вставать с постели. Последние восемь лет она только лежала в квартире, почти не разговаривала, а Леонид продолжал ухаживать за ней и старался не оставлять одну. Два года назад он начал общаться с новой женщиной, соседкой Раисой Солодиловой. «Долго стеснялся, но я и так знала, — продолжает Светлана. — Это хорошие, заботливые люди. Рая помогала отцу, даже старалась передавать маме подарки, что-то вкусное постоянно. Так что я сказала: „Пап, я совершенно не против, общайся, ты тоже живой человек“».

Последний раз Светлана видела отца живым 9 марта. «Были очень сильные обстрелы — мы сидели у друзей в Черемушках (*квартал в Приморском районе, — прим. „Медузы“*) и боялись даже открывать дверь подвала, взрывы повсюду. Вдруг слышу ритмичный стук снаружи, потом снова и снова. Оказалось, это отец приехал и стучал по калитке, — рассказывает она. — Я бросилась на него, заплакала, говорю: „Что же ты творишь? Так стреляют! Папочка, пожалуйста, не ездь лишний раз никуда!“ А он просто захотел привезти нам картошку, закрутки и воду. Я тогда даже не разрешила детям выйти из убежища. Теперь припоминают мне, что не дала с дедушкой попрощаться».

О том, что отца больше нет в живых, Светлана узнала только 24 марта, выбравшись из Мариуполя во Львов.

В чате родительского дома она разместила фотографию с просьбой помочь восстановить связь. Ответила его соседка по подъезду.

— Это вы разыскиваете Сошенко Леонида?

— Да.

— Вы его дочь?

— Да.

— Мне очень жаль.

«Я лежала на кровати, подскочила и стала просто качаться из стороны в сторону, — говорит Светлана, — не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Муж взял телефон из рук. „Подожди-подожди, наверное, с мамой что-то“, — говорю [я мужу]. А там сообщение: „Леонид погиб“».

Светлана завывала. Подбежали дети и тоже начали плакать. Следующие несколько дней Светлана по разговорам с соседями отца восстанавливала картину того, что случилось 12 марта: скорее всего, Леонид ездил набирать воду на роднике в частном секторе неподалеку от проспекта Строителей, где у семьи была дача. Там он заодно регулярно кормил свою собаку Марту. Светлана считает, что Леонид не мог оставить пса без еды, но и забрать с собой в город — тоже, поэтому и ездил, рискуя попасть под обстрел.

Соседка Леонида Сошенко Юлия так рассказывала в домовом чате о том, что происходило вокруг дома: «Шел уличный бой, на перекрестке возле АТБ (супермаркет на проспекте Строителей, 179, — прим. „Медузы“) стоял русский танк... Гасили они из минометов, возможно. Бесконечно ложилось на аллейки... Они — я точно не могу сказать кто, потому что стреляет и Украина, и Россия, не разобрать... <...> Машина [с Леонидом] выезжала и, притормозив возле какой-то ямы, в ту же секунду взорвалась».

Сгоревший Леонид пролежал в машине еще неделю. Его похоронили, только когда оттаяла земля.

Тут был медиа-файл! Чтобы посмотреть его, идите по этой ссылке.

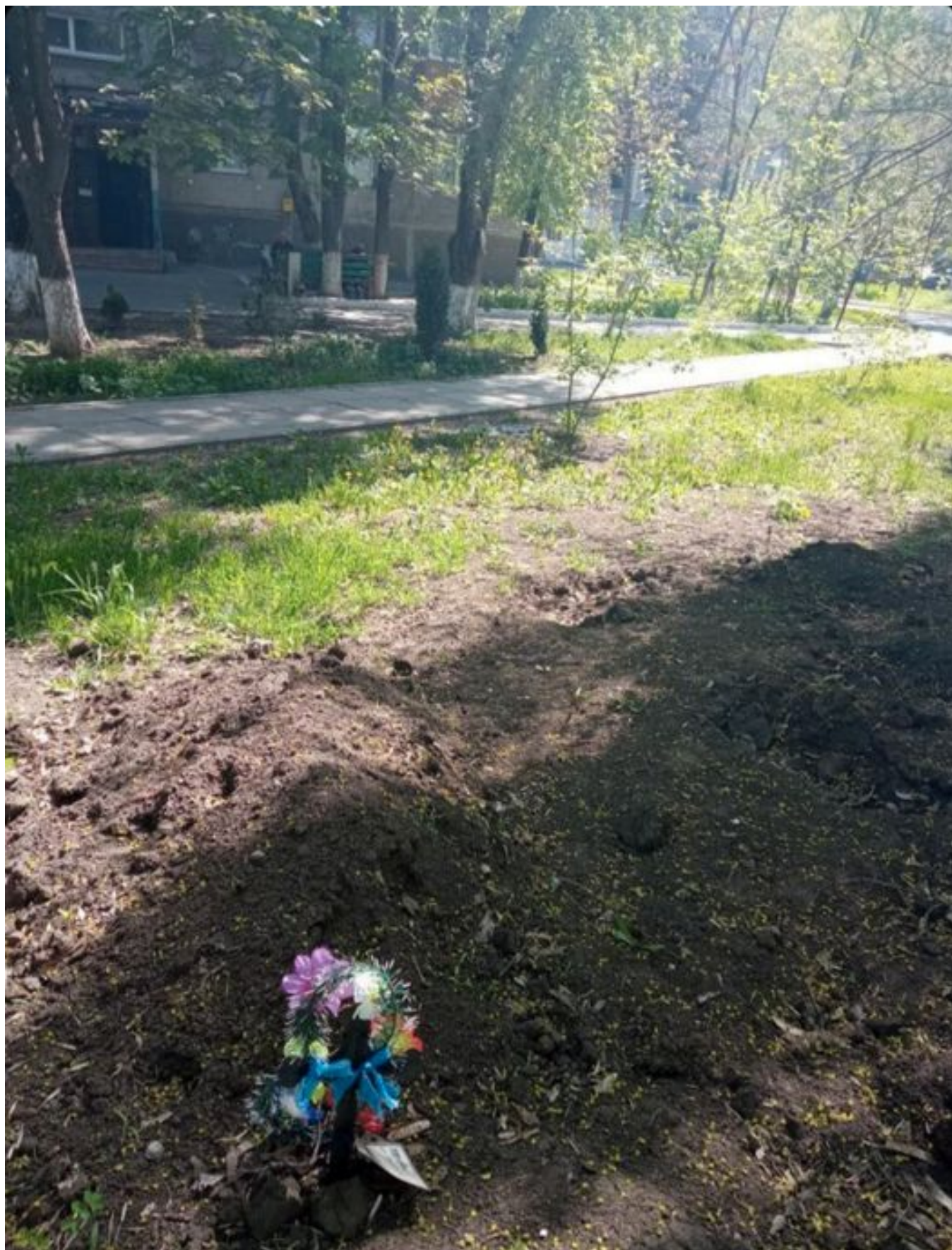
(https://youtu.be/311Zp_qfyMk?t=5)

В видео, опубликованном 19 марта, девушка в ярко-красном пуховике и черных сапожках-дутиках робко утрамбовывает землю вокруг самодельного креста. Виден металлический скелет искореженной серебристой «Приоры». «Сначала он ехал сюда, и его ранили», — говорит девушка в видео и сразу начинает плакать. Потом она указывает на соседнюю могилу: «Вот этот парень вместо меня в машину сел. [Иначе] там бы сейчас я была бы». Девушка в пуховике — это Вита Солодилова,

дочь Раисы; той самой женщины, с которой Леонид общался в последние годы.

Именно Солодиловы в итоге и похоронили Леонида. Перед смертью он успел передать им ключи, и благодаря этому соседи смогли еще две недели ухаживать за его женой Лидой. «Она ничего не понимала, только повторяла: „Леня, Леня, Леня“, — и перестала есть», — говорит Светлана.

Лида умерла вскоре после того, как было опубликовано видео, в котором хоронят Леонида; в ночь на 25 марта. Похоронили ее не рядом с мужем, а в конце дома, напротив шестого подъезда: сквер в этом месте когда-то обустроили по программе горсовета Мариуполя «Уютный двор», объясняет Светлана: «Там клали тротуар, а для сада завезли горку чернозема — видимо, так и пригодился».

Могила Лидии Сошенко, жены Леонида, во дворе дома 160
на проспекте Строителей

Из архива Светланы Сошенко

Светлана выходила на связь с Солодиловыми в середине мая и с тех пор не говорила с ними. Они остались в Мариуполе. Еще соседка узнавала у Светланы про дачу Леонида: «Спрашивала: „А можно мы там что-то посадим?“ Я сказала, что это будет замечательно, ведь сейчас пойдут яблоки, абрикосы, черешня и вишня, смородина. Дом оказался целый, и даже собака папы на цепи — Марта была худая, но живая».

Свою квартиру в квартале Черемушки на юго-западе Мариуполя Светлана потеряла еще в начале марта (прямое попадание снаряда). Многоэтажки в этом месте стоят над 150-метровым оврагом, который местные называют просто «балка⁽³⁾». Именно там хоронили всех погибших из этого района — но с приходом сезона дождей тела начало вымывать из могил. Глава жилищного кооператива, в котором состоит Светлана, подтвердила это в общем чате жильцов 19 мая.

Именно такие «катастрофические» трупы российские оккупационные власти города спешат перезахоронить в первую очередь. Всем, что связано с кладбищами и похоронами, после захвата Мариуполя Россией заведует фирма «Ритуал» из самопровозглашенной Донецкой народной республики, однако эксгумацию они не проводят: близкие должны выкапывать тела родственников сами. Либо пользоваться услугами частных. Соответствующим спамом чаты завалены

с середины весны. Они просят от 15 тысяч до 30 тысяч гривен за тело (от 30 тысяч до 60 тысяч рублей).

«Папочка, милый мой, люблю тебя бесконечно и буду любить всегда! — писала Сошенко в фейсбуке⁽⁴⁾ 26 марта, вскоре после того, как узнала о смерти отца. — И детки будут любить и помнить Леню, ты так любил, когда они тебя так называли... Говорил, что просто „Леня“ тебе больше нравится, чем „дедушка“, что так ты себя моложе ощущаешь. Для нас ты всегда будешь нашим родным, дорогим, любимым Леней! Прости, что не я тебя хоронила! Мы обязательно тебя похороним по всем правилам, так, как у нас принято...»

Спустя два месяца Светлана переживает, что может не успеть — состояние стихийных могил по всему Мариуполю ухудшается каждый день: «Хочу вернуться в свой украинский Мариуполь и сделать это сама. Я молю Бога об этом».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Солнечная, 8. Тромб и топор

Андрей Лодыгин копает могилу возле своей многоэтажки на Солнечной улице. Утром 19 марта умер его сосед Валерий Хохлов. Вообще-то могила предназначалась для другого соседа, который слег в больницу с заражением крови, но он к тому моменту уже пошел на поправку. А место все равно пригодились.

Мимо них по проезжей части тянется бесконечная вереница людей с тележками: люди идут «грабить» (этим словом собеседники «Медузы» сами описывают свои походы «за продуктами») склады на севере Мариуполя, рядом с гипермаркетом Metro на Запорожском шоссе на выезде из города. Дом Лодыгина стоит прямо на этой «дороге жизни».

Поэтому могилы четверо мужчин копали у всех на виду. Корреспонденты информационного агентства Reuters проезжали мимо и затормозили, чтобы взять у них интервью. Благодаря короткому отрывку с Андреем в этом репортаже его родственники из России узнали, что он жив.

«Это временное мероприятие у нас, — говорит Лодыгин в видео Reuters. — Военные велели: складывайте куда-то в холод. Это только в подвал если... А в подвале у нас люди же сидят. <...> В принципе, это все наши соседи с одного подъезда. Этих не осколками, не гранатами — ничем, это последствия войны» (из последующего описания станет ясно, что он имеет в виду).

Андрей Лодыгин (первый слева) копает очередную могилу на Солнечной улице. 20 марта 2022 года

Alexander Ermochenko / Reuters / Scanpix / LETA

Андрей Лодыгин родился в Мариуполе, ему 33. Работал на станке, ухаживал за родителями, а по выходным играл в пейнтбол. «24 февраля на заводе (каком именно, он не уточнил, — прим. „Медузы“) сказали: „Не приходи, война“, — рассказывает Лодыгин „Медузе“. — Я уже слышал обстрелы, но не собирался уезжать [из города], потому что никто ж не знал, как это все дальше развернется: до 2016 года тоже были единичные прилеты по Восточному [району Мариуполя]».

По словам Андрея, «нормальность» исчезла стремительно — вместе с водой и электричеством: «Каждый день просыпаешься — и ты кто-то новый.

Сегодня ты могильщик. Завтра — кровельщик, послезавтра — пожарный. Мы каждый день делали вещи, которые не делали раньше никогда. В марте пошел снег, и мы с отцом собрали его в ведра и топили у костра. Три-четыре ведра снега с лавочек собрать — это легко, верно? Кто был человеком, тот в войну им и остался, а были такие, кто выносил из магазинов диваны, ломал банкоматы и глушил водку по подвалам».

Утром в субботу, 19 марта, сосед Валера вел пожилую мать к бомбоубежищу в подвале, потом вдруг замер и рухнул у крыльца. «Валера был лет 45, с особенностями психики, инфантильный — и мы беспокоились, как же он будет сейчас за мамой ухаживать. А получилось так, что он первый и умер», — рассказывает Лодыгин. Соседи сбегали за врачом в подвал, но реанимировать Валеру не вышло. Приехавший по вызову медработник решил, что из-за стресса оторвался тромб.

Мать Валеры Антонина стояла рядом все это время и плакала. Врач посоветовал Андрею отвести ее к себе, «а то сейчас вторая ляжет». Морги уже не работали, тело вывозить было некому. Поэтому Андрей сбегал в военную комендатуру, которую россияне открыли в захваченном полицейском участке. Судя по рассказу Лодыгина, они уже осознавали, что ситуация с телами в городе катастрофическая: «Сказали: заверните в ковер и хороните сами, где придется, потом разберутся».

Спутниковый снимок 29 апреля

Maxar Technologies / EPA / Scanpix / LETA

Найти крепких мужчин, кто согласился бы помочь с такой задачей, оказалось непросто. «Знакомые бегали от меня, прятались, у всех сразу „спина болит“», — рассказывает Андрей. Даже взрослые мужчины, просидев в подвалах больше 20 дней, отказывались отходить от подъезда ради того, чтобы перенести тело: «Хотя в тот день не было канонады, стрельба оставалась только где-то вдалеке — это все равно патологический страх. Но оставить Валеру так лежать [у меня] даже в мыслях не было. Человек умер — надо его похоронить. Хотя, если пройти по Солнечной улице, завернутых трупов было много. Я не трогал. Каждый держит свою территорию».

Но даже с тремя добровольцами, которых Лодыгину наконец удалось найти, работа все равно шла медленно: стылую мартовскую землю лопаты берут плохо.

А на следующий день старушка Антонина тоже умерла: просто не проснулась в своей квартире.

На похороны Антонины Лодыгин уже принес топор — чтобы рубить мерзлую глину. «Через пару часов соседка заглядывает снова: „И твой сосед по этажу тоже умер“, — рассказывает он. — Не знаю, почему они шли ко мне. Мама шутила, будто мне больше всех надо».

Лодыгин говорит, что не думал о смерти, хотя она окружала его каждый день. По-настоящему страшно ему было только по утрам: «В нашей многоэтажке жил инженер, который ее же и строил. Он сказал, что, если прилетит что-то реально мощное, под завалами погибнут все — а обычной перегородки в коридоре достаточно, чтобы защитить от осколков. Поэтому я не жил в подвале, а в пять часов [утра] каждый день лежал в квартире, слушал свист снарядов. И гадал, когда вскакивать».

Оставшиеся могилы на Солнечной улице к началу июня. Другие уже эксгумированы

Андрей Лодыгин

Сейчас в том же гипермаркете Metro, расположенном по соседству, раздают гуманитарную помощь: «дорога жизни», пролегающая мимо дома Лодыгина, сохранила свою функциональность. Среди прочего там раздают сим-карты оператора из ДНР «Феникс»; там ловит мобильная связь.

С обратной стороны гипермаркета открыт временный морг: туда свозят тела для официального опознания и регистрации смерти. Местные рассказывают, что с приходом тепла трупы разлагаются очень быстро — но,

несмотря на это, их по-прежнему складывают прямо на асфальт, рассказывает Лодыгин: «Все, конечно, зависит от ветра, но если дует в нашу сторону — запах чувствуешь уже на подходе».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Металлургов, 98. Легенда бокса и гаражи

Вечером 5 апреля бизнесмен Олег Кленин сидел на подземной парковке в Киеве и судорожно листал ленты соцсетей. Незадолго до этого он написал пост в фейсбуке, который к тому моменту набрал уже полторы тысячи репостов:

Дорогие братья, дорогие земляки и огромное боксерское братство <...>!!! Помогите найти (помогите кто чем сможет) моего отца и маму. <...> Вы многие знаете их лично: отец тренер по боксу и воспитал тысячи мариупольских мальчишек.

В личку Кленину сыпались сообщения: кто-то выехал три дня назад и слышал, что возле дома № 96 на проспекте Metallurгов — жуткие уличные бои. Кто-то пять дней назад видел, как его мама Лора готовит еду на костре

у подъезда. «Мы проводили в этом поиске 80% времени — все, кто сидел в убежищах, — рассказывает „Медузе“ Олег. — Я никогда этот ужас не забуду. Записки из ада».

Среди прочих сообщений Кленину пришла СМС: «Что знаешь уже об отце?» (пунктуация сохранена). «Пиши дальше», — ответил Олег. Незнакомая девушка скинула ему фотографию самодельной могилки с надписью: «Кленин Владимир Васильевич, 03.09.1940 — 30.03.2022». Отцу Олега был 81 год.

Могила Владимира Кленина

Из семейного архива Клениных

Бокс в Украине — национальная гордость.

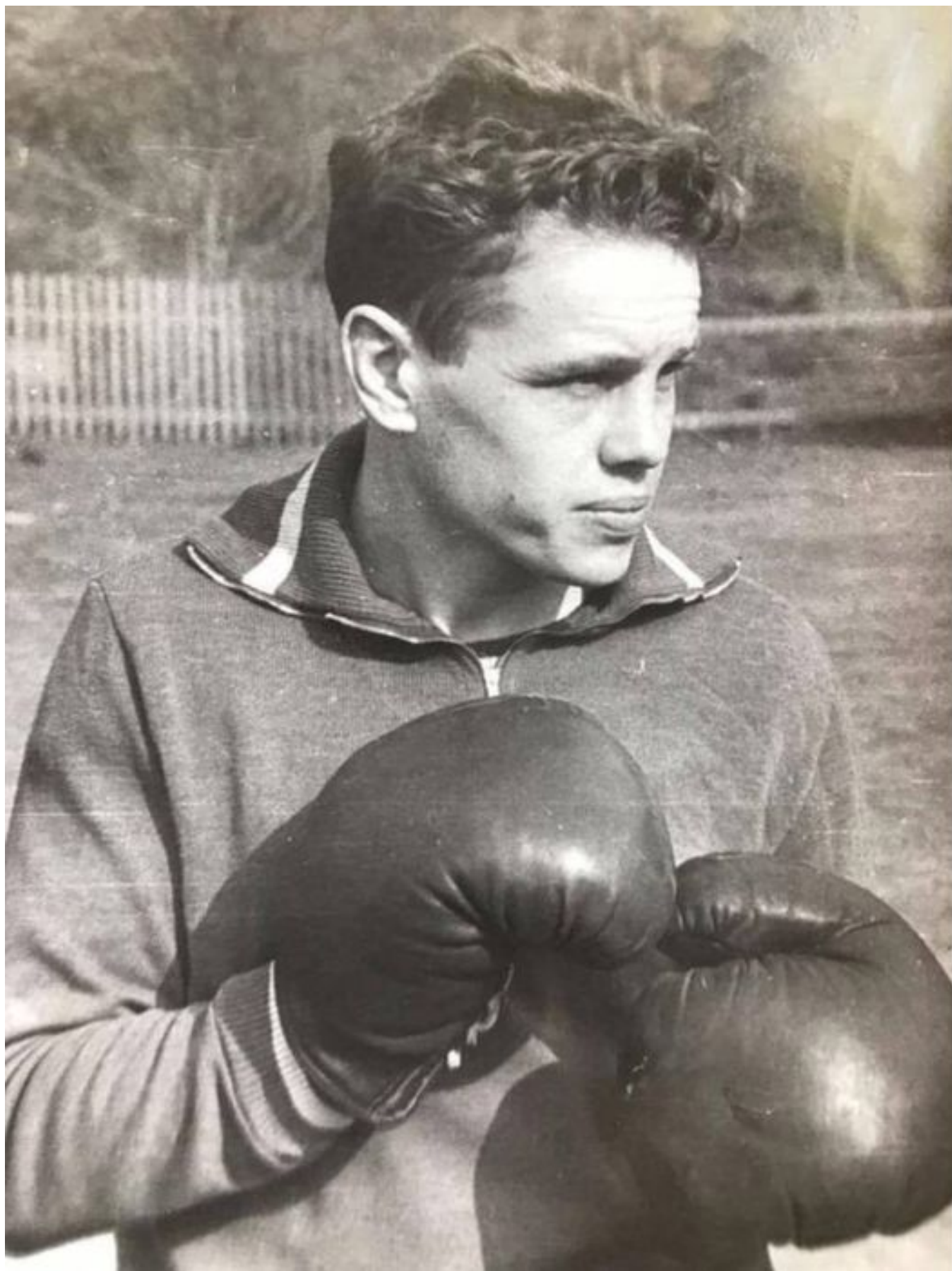
Мариупольскую школу бокса основал Владимир Кленин: он тренировал в местной секции «Спартак» 56 лет.

«В педагогике есть два вида преподавателей: „делай как я“ и „делай, как я сказал“, — объясняет Кленин-младший. — Отец был из первых. Помню, как он шел на тренировку и объяснял, что его задача — научить

спортсмена думать. О боксе он говорил как о шахматах на ринге. Он был всегда во всем примером.

В дисциплине, в настойчивости, в постоянном самообразовании».

Каждая тренировка с отцом, вспоминает Олег, начиналась с лекции: «Он мог говорить полчаса обо всем: о ведении дневника, о том, как следить за самочувствием, об отношении спортсмена с родителями. Люди стадионы собирают за огромные бабки, чтобы такое послушать, а у нас — каждая тренировка. Это легенда. Отец — легенда».

Владимир Кленин в молодости

Из семейного архива Клениных

Владимир Кленин довольно поздно пришел в бокс — в 16 лет. К этому времени он успел окончить металлургический техникум — но затем стал просто одержим спортом. Советская спортивная пресса так писала о нем: «Хрупкий, угловатый юноша не внушал никаких надежд. <...> Первые разногласия во взглядах на бокс с наставником появились у него уже тогда».

Стойка Кленина отличалась от классической: он держал руки слишком низко и оставался открытым для ударов — зато мог лучше маневрировать на ринге (да и тогдашний чемпион СССР Виктор Агеев тоже выступал с низко опущенными руками). В итоге звание мастера спорта СССР Владимир Кленин получил уже в 19, а заслуженным тренером стал в 1985-м — первым в Украинской ССР. В некрологах Кленина вспоминают как человека вспыльчивого и взрывного в обычной жизни, но исключительно хладнокровного в зале.

С будущей женой Ларисой — или мамой Лорой, как ее обычно называли домашние и гости Клениных, — Владимир познакомился на городском пляже. Тогда он уже тренировал сборную Украины, был известным спортсменом в городе, рассказывает Олег: «Мама иногда цепляла его, мол, в отпуск совсем не ходишь. „Зачем? — отвечал. — Я занимаюсь любимым делом, от чего мне отдыхать?“» Международный турнир имени Макара Мазая⁽⁵⁾ — старейший на территории бывшего Советского Союза — всегда проводится в Мариуполе:

«В 1967-м турнир был организован, и первым чемпионом был мой отец». В этом же году на свет появился и сам Олег, а в шесть он уже пришел к отцу в секцию.

В итоге Кленин-старший сделал себе имя как тренер тренеров. Его ученик Владимир Дворцов был старшим тренером сборной Украины и выводил на ринг Владимира Кличко, олимпийского чемпиона. Другой ученик Кленина Олег Кудинов — двухкратный чемпион мира среди военнослужащих — сейчас старший тренер молодежной сборной Украины. Андрей Жигалов живет и тренирует в России, Яков Часфас — в США. «В его комнате буквально нет места на обоях, потому что все завешено орденами и медалями. Вся квартира отца — это музей одного человека», — говорит Олег.

Тут был медиа-файл! Чтобы посмотреть его, идите по [этой ссылке](#).

(<https://www.youtube.com/watch?v=...>)

Пять лет назад Владимир Кленин пережил инсульт, проходил реабилитацию. «Да — возраст, ухудшение здоровья, проблемы с памятью начались. Но в 75 лет он бегал кросс по пять километров каждый день, молотом бил по закопанному скату (боксерское упражнение для укрепления мышц рук и спины, удары по крышке, — прим. „Медузы“). У него было совершенно

здоровое сердце», — убежден Кленин-младший. Тем не менее последний год его отец стал плохо ходить — он уже физически не мог спуститься в подвал.

7 апреля 2022 года украинские издания вышли с заголовками «Оккупанты убили легендарного украинского тренера по боксу». Одновременно траурный пост о Кленине появился и в паблике «Бокс ДНР», который ведет спортивный чиновник из этой непризнанной республики: «Скончался легендарный тренер по боксу. <...> Сын Владимира Васильевича похоронил отца во дворе дома». Это была неправда, потому что Олег уехал из Мариуполя за три дня до начала войны: «Последний раз я видел папу, когда у нас был семейный ужин. Обнялись, поцеловались — обычная мирная жизнь. А дальше началось это уничтожение».

С начала полноценной блокады лекарства в Мариуполь не доставляли, а те, что были, сразу разобрали. Для людей с хроническими болезнями или на реабилитации именно это, а не осколочные ранения стало самой распространенной причиной смерти.

30 марта Владимир Кленин умер в своей квартире. Хоронила его жена Лариса, которой тоже много лет; помогал ей только сосед. На просьбу «Медузы» связать нас с этим человеком для интервью Кленин-младший отвечает так: «Что вы хотите уточнить? <...> Как [отец]

умирал в течение недели, потому что нечего было пить? <...> Как его нельзя было помыть даже от естественных испражнений организма? Вы хотите почувствовать этот запах в квартире моих родителей?»

«Не было отпевания, ничего не было, — продолжает Олег. — Все не по человечески, все не по-христиански — благодаря „освободителям“, которые пришли нас „освободить“, — но я не знаю, от чего. Я с вами говорю по-русски, весь город говорил по-русски. Я окончил институт в Петербурге, прожил там шесть лет, моя жена из Петербурга. Сейчас я заблокировал все российские номера в телефонной книжке. Вы сразу написали про отца — по-другому я бы русский номер сейчас не поднял. Не существует для меня пока России. О чем я должен спорить? Какую точку зрения принимать? Только ненависть».

Лариса прикрепила скотчем к кресту, поставленному на могиле мужа, миниатюрные боксерские перчатки. Место, где он похоронен, расположено напротив девятиэтажки за гаражом, который Владимиру Кленину когда-то дал горисполком за особые заслуги: «Это место не значит ничего, его не выбирали. Это просто яма между гаражами. Единственное, что это значит, — безвыходную ситуацию».

Мать Кленина все еще в Мариуполе. Она не может ездить к гипермаркету Metro, где ловит мобильная связь,

поэтому друзья приезжают и включают ей аудиосообщения сына. Затем мама Лора записывает ответ — и телефон везут обратно: «Мы сейчас решаем вопросы с лекарствами, едой и водой, вопросы выживания банального. Она говорит: „Сынок, пока не перезахороню папу — я никуда не уеду“. Я очень сильно переживаю, не дай бог случится и второе горе в моей семье. Отец — это человек, которому памятники надо ставить, а не в ямке между гаражами закапывать. И я поставлю. В украинском Мариуполе улицу его именем мы точно назовем. Но когда это произойдет, произойдет ли — на этот вопрос ответа не знаем ни я, ни вы».

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК ЖИТЕЛЬНИЦЫ МАРИУПОЛЯ ПОЛИНЫ КОВАЛЕВСКОЙ

«Я уже смирилась со смертью. Еще больше боюсь русской жизни» 21-летняя Полина Ковалевская вместе с родными больше месяца выживала в осажденном Мариуполе. Вот ее дневник

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пашковского, 65. Самоубийца и розы

3 марта Геннадий Ковалев, как обычно, охранял убежище с людьми в доме № 65 на улице Пашковского. Кроме того, ему нужно было предпринять вылазку в соседний кирпичный пятиэтажный дом: еще раз позвонить сестре в Великобританию. На месте оказалось, что телефон уже не ловит даже с крыши.

В этот момент на улице раздались женские крики: мужчина с пятого этажа выпрыгнул из окна. Его тело лежало на козырьке подъезда, голова была размозжена, капала кровь. «Я не знаю его имени, но он пришел в наше бомбоубежище с женой и проводил там все время, — рассказывает Ковалев, — Кажется, они вернулись что-то забрать из квартиры, и вот тогда у него сдали нервы». Самоубийца был старше 65 лет, его жене около 60.

В квартале нашлось всего трое мужчин, готовых к тяжелому физическому труду. Александр — бывший майор милиции в отставке, Петр — начальник участка с «Азовстали» и сам Геннадий, 55-летний главный механик стройфирмы. Процесс он описывает так: «Александр потянул самоубийцу с козырька и завернул тело в покрывало. Молодежь тогда еще не хотела помогать нам копать. Но рядом был гараж три на восемь метров, сбоку проломлена дырка в стене. Туда мы и отнесли тело — чтобы собаки не растягивали, потому что голодные уже бегали».

Гараж, где Геннадий Ковалев складывал тела до захоронения, чтобы их не растащили собаки

Из личного архива Геннадия Ковалева

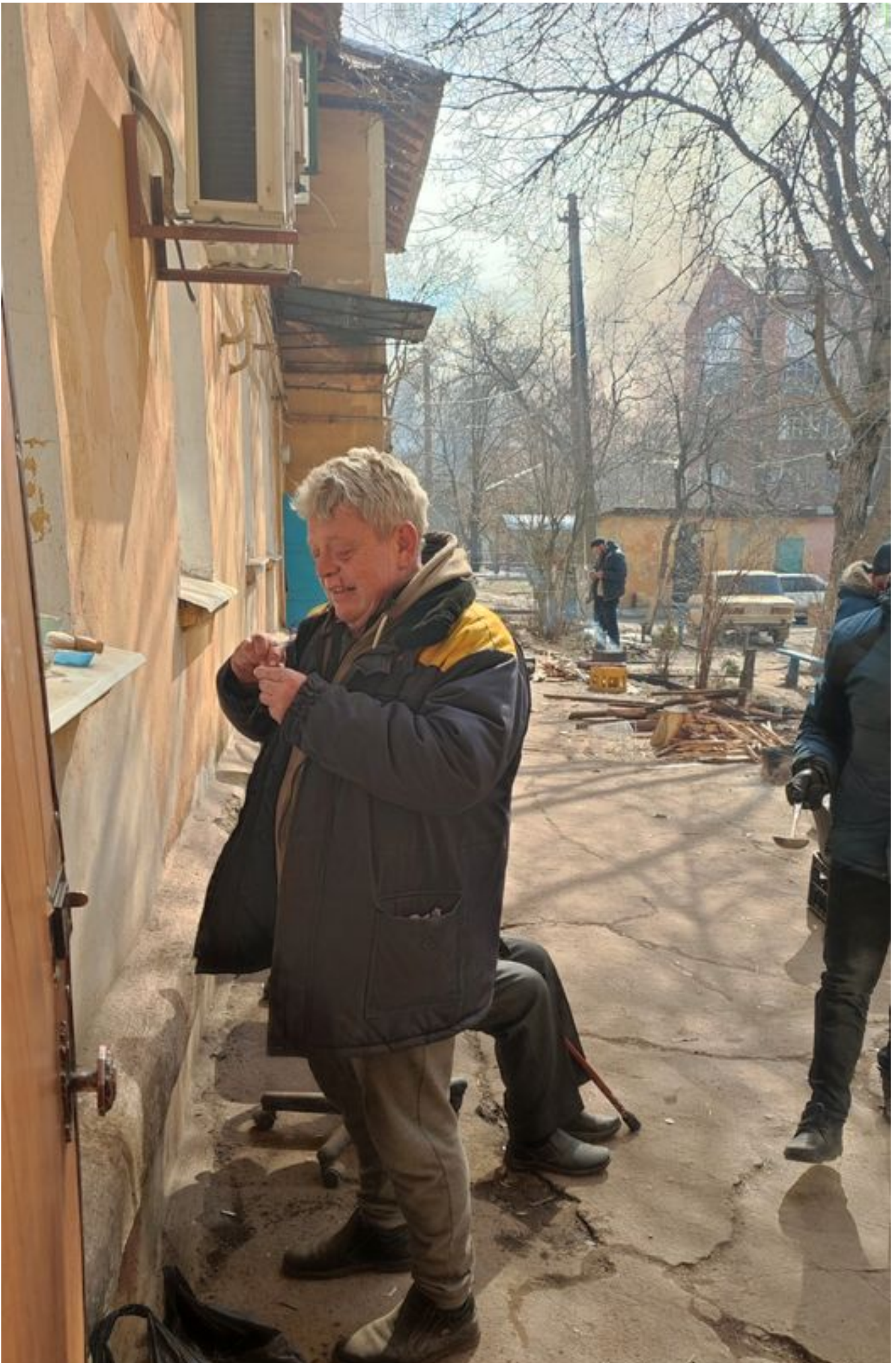
8 марта бывший майор Александр съездил за розами к «банковскому» дому на проспекте Победы, где были цветочные ларьки, — привез целую охапку. Подвядшие, но все равно выглядело красиво. Чтобы поднять настроение, мужчины подарили их всем женщинам в бомбоубежище.

На следующий день обстрелы усилились, и Ковалев начал замечать тела уже просто на улице — их никто не решался забрать. А в гараж к самоубийце кто-то подложил еще два трупа с осколочными ранениями.

После 10 марта в Мариуполе немного потеплело, и мужчины решили все-таки похоронить всех троих: «Молодые копали ямы, а мы командовали: на полметра вглубь хватит выше крыши, потому что главное потом сделать горку и сбить какой-нибудь крестик — чтобы люди смогли найти и перезахоронить».

После 13 марта российская авиация начала интенсивно бомбить Левобережный район Мариуполя. Так местность готовили к наземному вторжению.

«В советское время после института я служил в авиации, — рассказывает Ковалев. — Не могу понять, что должно быть в голове у летчика, чтобы скидывать авиабомбы на мирные кварталы, — он ведь прекрасно все видит».

Ковалев бреется у входа в убежище на улице Пашковского. Март 2022 года

Из личного архива Геннадия Ковалева

стучаться «очень чистые люди», которые говорили, что Соседи Геннадия Ковалева по убежищу делают лепешки из майонеза и муки. Мариупольский хлебозавод уже перестал работать, значит уже были одни развалины. Эти люди убеждали

Из личного архива Геннадия Ковалева

сидевших в подвалах идти по трассе вдоль берега — сдаваться в ДНР. «Одного такого мы чуть не побили, женщины нас разнимали», — говорит Ковалев.

22 марта Ковалев подвез раненого волонтера до больницы № 4 на улице Пашковского. «В приемном отделении мы встретили только одного медика — мою соседку Лену. Она дежурила там несколько суток. Солярка для дизельной установки заканчивалась, свет включали, только чтобы подсветить операционную. Лена сказала, что в морге поместилось только 150 трупов. А вот в подвалах — в одном 500, в другом 500. И на улице стенка, говорит. Мол, выйди посмотри, — рассказывает Геннадий. — Я спускаюсь с горки, куда заезжают скорые, заворачиваю за угол, а там тела сложены прямо штабелями, по три человека в столбик, в два ряда — на всю длину [отделения] хирургии (*это то же самое место, которое неделей ранее видел Ярослав Дема из первой истории, только теперь тел было значительно больше, — прим. „Медузы“*). Вот тогда мне там реально плохо стало».

Позже оставшийся персонал больницы принудительно вывезли в Россию, и здание заняли вооруженные люди — об этом заявлял Мариупольский горсовет. Но затем больница № 4 тоже оказалась в руинах, включая приемное отделение и подвалы, где складывали тела.

В этот же день обстрелы усилились. Как говорит Ковалев, он понял, что люди, уговаривавшие их уехать, просто «дали [мариупольцам] последний шанс» перед «зачисткой⁽⁶⁾». В этот день умерла женщина из бомбоубежища — Бронислава Винтоняк, которую все звали просто тетя Броня. Ее сын Николай категорически не хотел хоронить мать наспех. Он сбегал в офис похоронной службы «Скорбота» (ее владелец 25 марта сам объявил, что открыл «свои печальные склады» и кто угодно может забрать то, что им требуется для погребения). «Забрал гроб, венок и крест, вчетвером выкопали яму прямо напротив входа в наше убежище — рассказывает Геннадий, — а затем сын говорит: „Сегодня хоронить не будем — пусть [мать] дома ночь переночует“». Но спокойные похороны устроить все равно не вышло.

Утром 23 марта утром на улицу Пашковского вошел взвод разведки ДНР. «Там были вместе чеченцы, татары, донецкие и русские, — рассказывает Ковалев. — Соседка узнала среди них местного непутевого парня, который отсидел и еще в 2014 году пропал из виду, уехал куда-то на стройку в Москву. А в итоге вот так он вернулся

в Мариуполь — бабки полезли к нему обниматься, мол, свой человек». По утверждению свидетелей, бойцов ДНР поэтому и старались запускать первыми при захвате жилых районов в Донецкой области: их встречают спокойнее, с местными жителями у них много общих знакомых.

«Кто старшой?» — спросил Ковалев, выйдя к солдатам. Отозвался чеченец с позывным «Итальянец». Геннадий сказал ему, что за семь домов отсюда у него живут дети. Дочь Ковалева с мужем все это время провела отдельно, в своей квартире в конце улицы, и в бомбоубежище они почти не спускались; Геннадий регулярно ездил к ним и привозил продукты. «Иди, но через три дома мое руководство заканчивается, — ответил, по словам Ковалева, чеченец. — Дальше скажешь, что Итальянец тебе разрешил».

«Когда дошел, зятя как раз раздевали второй раз, — рассказывает Геннадий. — Ну и меня заодно тоже раздели». Так он называет досмотр во время «зачистки»: мирным жителям нужно раздеться до нижнего белья, пока солдаты ищут у них татуировки «Азова», синяки от карабинов на плече или копоть на пальцах (автоматическое оружие и винтовки всегда оставляют следы на теле стрелка).

Вернувшись в убежище, Ковалев застал там уже другого командира — «Итальянец» ушел дальше, а этот,

по словам Геннадия, был молодой лейтенант, лет 27: «Я объяснял ему, что на 10 часов у нас намечаются похороны тети Брони. „Родственники пусть хоронят, а все остальные — ***** [убирайтесь] отсюда. Цепляйте белые тряпки⁽⁷⁾ на машины и на руки, и двигайтесь на Ляпино — вам тут делать нечего“. Как нечего? Я тут живу, у меня дом здесь. „У вас 10 минут. Если через 10 минут не уйдете, мы закидаем убежище гранатами“».

Российские танки на улице Пашковского в апреле. 10 апреля 2022 года

Сергей Бобылев / ТАСС

Следующие 12 суток семья Ковалева провела в машине в очереди на «фильтрацию» — она начиналась за два километра до поселка Безыменное в 40 километрах

к востоку от Мариуполя, неподалеку от российской границы: «Слева в полях стояли установки „Град“ и „Солнцепеки“, которые даже не зачехляли: это они работали по Левобережному району [Мариуполя]. Мы спали с видом на технику, которая нас же и бомбила».

Затем — снова допросы и «раздевания». Еду беженцам выдавали из микроавтобуса, на котором было написано «Пища жизни»: «И обязательно просили на камеру сказать спасибо. Я отказался. За что спасибо? За то, что меня сделали бомжом? Три мои квартиры сгорели, даже не смог открыть их. Тридцать лет жизни коту под хвост».

Ковалев с семьей в итоге выехал в Россию, а оттуда добрался до Великобритании: «Мне предлагали остаться в Абинске, на металлургическом заводе было место. А зачем? Чтобы я там платил налоги и с них уничтожали мою страну?»

Сосед Ковалева по убежищу Николай Винтоняк после фильтрации пересидел несколько дней в Ляпино и вернулся обратно в Мариуполь — чтобы похоронить мать. «Он потом ушел в крутой запой и, закопав тетю Броню, успешно раздавал интервью всем русским телеканалам подряд, — рассказывает Геннадий. — Рассказывал, что по русскому обычаю подождет девять дней и только потом покинет это место».

Осада Мариуполя. История одной семьи Из-за войны Ковалевские лишились всего. Но смогли спасти друг друга. Вот как это было

«Я продолжала всех убеждать, что рядом с войной можно жить» В 2014-м Асе из Мариуполя было 13 лет, и она думала, что к войне можно привыкнуть, но в 2022-м ей все-таки пришлось бежать из Украины. «Медуза» рассказывает ее историю

«От Мариуполя остались руины, нам начинать новую жизнь тут» Многих жителей осажденного (и фактически уничтоженного) города вывезли в Россию. Вот что они говорят о войне и своем будущем

Господи, хоть бы дожить эту ночь Мариуполь в коме. «Медуза» рассказывает, как российская армия уничтожила один город. И тысячи жизней

(1) Алла

Имя изменено по просьбе героини.

[Вернуться к тексту](#)

(2) А что, так можно?

Жители оккупированных территорий Украины, выехавшие в Россию, могут попасть обратно и снова въехать в Россию. Для мужчин это возможно при условии единоразового прохождения «фильтрации» — проверки документов и телефона, допроса, а также досмотра с раздеванием. На теле ищут татуировки, указывающие на причастность к «Азову» и другим украинским вооруженным формированиям, а также синяки на плече от винтовок и автоматов, сажу на пальцах и другие отметины от пользования огнестрельным оружием (подробнее об этом в материале «Медузы»). После прохождения фильтрации выдают талон.

[Вернуться к тексту](#)

(3) Балка

Сухая или с временным водотоком долина с заросшими кустарником или лесом склонами. На юге России и в Украине часто встречается в топонимах.

[Вернуться к тексту](#)

(4) Facebook

Социальная сеть принадлежит компании Meta, которая объявлена в России «экстремистской организацией», деятельность компании в РФ запрещена. Мы вынуждены указывать это по требованию российских властей.

[Вернуться к тексту](#)

(5) Макар Мазай

Макар Никитович Мазай — сталевар Мариупольского металлургического завода имени Ильича, союзный рекордсмен по выплавке. В 1941 году не успел выехать из оккупированного Мариуполя и после долгих пыток был казнен за отказ сотрудничать с нацистами.

[Вернуться к тексту](#)

(6) Зачистка

Общее название целого комплекса силовых мероприятий в населенных пунктах. Обычно в ходе зачистки район или населенный пункт блокируется, дальше военные или силовики ходят от дома к дому, проверяют документы у гражданских лиц и выявляют очаги сопротивления вражеских сил, повстанцев и так далее. Часто в ходе зачистки страдают мирные жители — например, зачистка села Новые Алды во время второй чеченской войны превратилась в массовое убийство нескольких десятков жителей села бойцами петербургского и рязанского отрядов ОМОН.

[Вернуться к тексту](#)

(7) Белые повязки

Российские военные сами носят белые повязки в качестве опознавательного знака. На фотографиях из Бучи на одежде некоторых убитых людей видны белые повязки — по свидетельствам очевидцев, такие повязки заставляют надевать местных российские военные. Это дало повод прокремлевским изданиям утверждать, что жители Бучи были убиты украинскими националистами как коллаборационисты. Белая повязка стала официальным символом российского вторжения — ее используют во флешмобах в поддержку войны с участием бюджетников.

[Вернуться к тексту](#)

